

УДК 008

Т.В. ИвановаФГБОУ ВО «Бурятская государственная сельскохозяйственная академия
им. В.Р. Филиппова», Улан-Удэ**КОЧЕВАЯ КУЛЬТУРА КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН**

Ключевые слова: кочевая культура, номадизм, кочевая аксиология, номадическое пространство и время, кочевой менталитет.

В статье культура кочевников рассматривается как типологически единое социокультурное явление, изучение которого невозможно через понятия и категории оседло-земледельческих народов. Кочевой образ жизни, скотоводческий тип хозяйства определили собственную систему ценностей и этических представлений номадов, особые способы восприятия времени и пространства, ментальные характеристики.

T. Ivanova

FSBEI HE "Buryat State Academy of Agriculture named after V. Philippov", Ulan-Ude

NOMADIC CULTURE AS A SOCIO-CULTURAL PHENOMENON

Key words: nomadic culture, nomadism, nomadic axiology, nomadic space and time, nomadic mentality.

In the article the culture of the nomads is treated as a typologically integral socio-cultural phenomenon which cannot be studied using the concepts and categories of sedentary agricultural peoples. The nomadic lifestyle and stock breeding economy have determined a special system of values and ethical ideas of nomads as well as special ways of time-space perception and mental characteristics.

Введение. Само понятие «кочевая культура» получило официальное признание сравнительно недавно. Научная традиция долгое время рассматривала номадов как маргиналов культурного развития, являющихся частью природного, а не культурного процесса. Причина подобного отношения кроется, в первую очередь, в самих основаниях культуры, вернее, в разнице внутреннего содержания оседлой и кочевой культур.

Методы исследования. Специфика кочевой культуры определила необходимость применения при ее изучении следующих методов культурологического исследования: типологического и системного, которые позволили рассмотреть кочевничество как самостоятельный тип культуры, целостную систему, элементы которой – кочевой образ жизни, мировоззрение, менталитет и т.д. находятся во взаимообусловленности и взаимозависимости.

Результаты исследования и их обсуждение. В первоначальной интерпретации понятие «культура» восходит к латинскому корню глагола «colere», имевшему два значения: «почитать» и «возделывать». Идея культа и по сей день присутствует в культурной идее, но второе значение – «возделывать» – сыграло большую роль в формировании понятия «культура». Отсюда, на этимологическом уровне термин «культура» изначально связан с оседлым образом жизни и земледелием, все остальные значения являются, как известно, его более поздними смыслами. Обработка земли как основное занятие оседлого человека была почти бессмысленным делом для кочевника, более того, у большинства кочевых народов земледелием занимались беднейшие слои населения, не имевшие скота для сезонных откочевок.

Для характеристики кочевого образа жизни не подходят многие фундамен-

тальные понятия земледельческих народов, поскольку все они вырастают из оседлого образа жизни. Так, культурогенез в понимании кочевника включает в себя следующие представления: приручение коня, изобретение седла, седлание коня – это исчезновение хаоса, возникновение культуры; поставить коням тавро, овцам – метки означает не только приручение скота, но и развитие знаковой системы, появление собственности, социально-хозяйственного разделения.

Реалии кочевой жизни, располагавшие к родовому укладу, определили и систему традиционных ценностей кочевника. Кочевая аксиология включала в себя три уровня ценностей: высшие, духовно-нравственные, бытовые ценности.

Высшей ценностью кочевник считал способность перемещаться, двигаться, не останавливаясь надолго на ограниченной территории. Идея пути, дороги – одна из главных проявлений его бытия, основа жизнедеятельности, соответственно, все то, что неподвижно, оседло, обладает вторичной ценностью. Оседлость номадами рассматривалась как вынужденное состояние, состояние несчастья. Фиксированность и неподвижность – характеристики трансцендентного, живое же – солнце, луна, звезды, вода, животные, птицы, люди должны находиться в постоянном движении. Характерно, что сакральная архитектура развивалась у кочевников именно как стремление зафиксировать место вечно-упокоения мертвых [8]. Жилище живых – юрта – являлась символом космоса, она перемещается, что маркирует ее принадлежность к миру живых. Именно поэтому динамизм – это элемент мировосприятия, а впоследствии и мировоззрения кочевого общества. При этом необходимо различать динамизм как способ бытия западного человека и динамизм как свойство самоощущения кочевника. Динамизм западного человека вытекает из философии антропоцентризма, когда человек мыслит себя центром мироздания и, соответственно, стремится подчинить себе окружающий мир

природы. Динамизм же кочевника – это скорее способность идти в ногу с развитием природы, продиктованная изначальной гармонией природы и человека. Кочевник не противопоставляет себя миру, а живет по принципу единства существования и соразвития [10].

Кочевая культура создала особый тип восприятия пространства, особую модель мира, которые выражаются, в том числе, в особенностях освоения пространства и времени. Модель мира кочевников была основана на традиционном миропонимании, где пространство превалировало над временем. Кочевой образ жизни в противоположность оседлому подразумевает большую степень освоенности территории [7]. Весь окружающий мир воспринимался и понимался как единое пространство, причем пространство, не имеющее границ, но жестко структурированное. В языках многих кочевых народов, отмечает Н.Е. Нуржанов, нет слова «пространство» в его западном смысле. «Пространство – это всегда ограниченное место, это ментальное образование оседлого человека, закрепившегося на ограниченной территории как на подлинном месте своего обитания» [6]. Именно поэтому пространство земледельца активно преобразовывалось и было перенасыщено следами его жизнедеятельности. Кочевой закон вживания в мир природы – «вписывание» в нее.

Поскольку большая часть жизни кочевников проходит в постоянных перемещениях в границах обширных кочевых территорий, ориентация в пространстве, его освоение являются жизненно необходимой и особенно актуальной для кочевых культур. Номадическое пространство – это одухотворенное пространство, которое имеет семиотическую архитектуру. Оно существует как в виде мыслимого, так и в виде реального ландшафта, заполненного символами неба, бескрайней степи, четырех сторон света, мирового дерева, священной горы, образов мифологизированных животных, атрибутов ритуальных обрядов.

Позднее в некоторых случаях эти символы складывались в своеобразный тезаурус специальных знаков (тамга), способствовали появлению и развитию системы «тамгопользования».

Кочевникам присуще своеобразное представление о времени. Оно понималось как циклическое, в отличие от векторного, принятого у оседлых народов. Скотоводческий цикл не ограничивается одним годом, как у земледельцев, поэтому скотоводам свойственно более масштабное временное восприятие. Для кочевников циклическое движение, постоянное перемещение по кругу – принцип жизни, имеющий глубокий мировоззренческий смысл. Зло, нанесенное людям, природе особенно страшно тем, что циклическое время, возвращаясь, возвращает и его. Этот принцип сформировал особое жизнеповедение кочевника, когда действиям предпочитают обдумывание. По тем же законам живет и Добро: однажды совершенное, оно вернется обратно. Гостеприимство, взаимопомощь – святыне принципы кочевников, глубоко познавших причинно-следственную, кармическую связь явлений, поэтому для кочевой культуры характерен этизм.

К духовно-нравственным ценностям кочевников относились интересы рода, уважение к старшему поколению, почитание умерших предков, который, как известно, существовал практически у всех народов, однако степень его развития при этом была далеко не одинаковой. Если у оседлых народов этот культ со временем исчезает, то у кочевников он на все времена остается системообразующим фактором их взаимоотношений [3]. Их малочисленность, по сравнению с окружающими соседями, суровый климат степей, наличие постоянных внешних угроз воспитало у номадов корпоративность, чувство единства, доведенное до абсолюта. В обществе, где все социальные отношения жестко регламентированы, существовала очень сильная связь людей друг с другом, они ощущали себя жизненными частями целого, к которому принадлежали. Ценности

культуры принимались и разделялись всеми ее членами как священные и вечные. Поэтому кочевое общество отличалось не только единством, но и абсолютной идентичностью его членов со своей культурой. Проявить свои индивидуальные качества кочевник мог только в рамках своего родового коллектива. Культ героя, воина-защитника получил наивысшее развитие, стал идеалом кочевой поведенческой модели, воплощением коллективных интересов, т.е. интересов своей семьи, своего рода, народа в целом.

К бытовым ценностям кочевники относили наличие собственного жилища (бездомный считался обездоленным, лишенным своей доли счастья), большое потомство, особенно сыновей, которые продолжают род и богатство, под которым подразумевалось большое количество скота. Наличие скота означало высокий социальный статус индивида, его состоятельность, интеллект, полноценность.

Иерархия ценностей кочевой культуры обусловлена особым способом отношения к миру и с миром. Созерцательность как пассивное восприятие познаваемой действительности, без активного воздействия на нее является выражением философичности мышления кочевников. У номадов не была развита философская традиция как на Востоке, так и на Западе, нашедшая свое воплощение в научных трактатах и системах. Проявлением познавательной глубины кочевого мышления была чувственно-символическая форма восприятия мира. Соответственно, у номадов получила развитие преимущественно устная культура речи, долгие столетия не получавшая фиксации в письменных источниках. Письменные тексты не относились к числу важнейших «архетипов» их культуры. Этот уникальный феномен развития кочевого сознания отразился в искусстве сложения эпосов, которые играли у номадов ту же роль, что и мифы у оседлых народов.

Иными, чем у оседлого человека, были и отношения кочевника с природой. Для оседлой культуры природа становит-

ся чем-то, что подлежит покорению, подчинению, поэтому принципиальным становится противопоставление «свой—чужой». В соответствии с этой фундаментальной парадигмой воспринимается и сама природа: есть дом – «свое» и есть «дикое поле» – «чужое», причем за «домом» закрепляются благостные, сакральные коннотации, а за «диким полем» – демонические, связанные с ощущением враждебной противоположности природе [2]. Кочевые народы с самого начала шли больше по адаптивному пути развития. Адаптация к природно-климатическим условиям степи достигла такого уровня, что номады становились почти органической частью степных экосистем [5].

Природа для кочевника сохраняет самостоятельный статус, имеющий собственные, не зависящие от человека, равные с ним права и происхождение. Отношения людей с природой рассматривались скорее как взаимозависимость, чем как ее эксплуатация, и подобная почтительность по отношению к миру природы позволяла кочевникам жить на своей земле тысячелетия без отрицательных последствий для окружающей среды. Кочевники поклонялись предметам и явлениям окружающего мира не из страха перед непостижимыми и грозными стихийными силами, а из чувства благодарности к природе за то, что, несмотря на внезапные вспышки своего необузданного гнева, она чаще бывает ласковой и щедрой.

Последние исследования в современной исторической, культурологической, этнографической науке значительно расширили наши представления о культуре и истории кочевых народов и позволили рассматривать кочевое общество не только как особый исторический феномен, но и как целостное культурное образование, обладающее определенными социокультурными признаками. Характер развития этой культуры, некие неповторимые, уникальные черты определились, в первую очередь, образом жизни номадов, кочевым типом хозяйства. Поэтому культура кочевников если

и существовала, то только лишь как вторичное, производное от номадного образа жизни явление.

На наш взгляд, номадизм представляет собой более открытую и подвижную систему, чем многие земледельческие. Кочевое скотоводство, требовавшее постоянного перемещения в пространстве, нуждалось в товарообмене с земледельческими народами, и, наконец, частые военные походы способствовали активному проникновению в материальную и духовную культуру кочевников инокультурных факторов. Кочевники создали мобильные системы коммуникаций, например, Великий шелковый путь, выступали главными трансляторами культурного обмена между оседлыми цивилизациями. Именно поэтому определенные категории культурных явлений очень быстро распространялись на огромных пространствах Евразии, населенных неоседлыми скотоводами [4].

Другая очень важная, на наш взгляд, особенность данного типа культуры, которая была обусловлена ее более гибким и открытым характером – суперэтничность. Подвижный образ жизни номадов, рост военной активности приводили к активизации процессов интеграции племен различного происхождения и этнической принадлежности. Кочевник, меняющий место жительства несколько раз в течение одного поколения или даже раз в два-три поколения, вынужден был культивировать в себе умение приспосабливаться к обстоятельствам и к другим народам относиться как к равным, независимо от их этнокультурного облика, поэтому толерантность становится формой кочевого общежития, основой формирования кочевого менталитета.

Суровые условия кочевого образа жизни способствовали формированию еще одного важного для менталитета кочевника качества - рационализма, которому подчинено было все: убранство юрты, порядок землепользования, традиции, обычаи, мировоззрение и т.д. Материальная культура кочевников бедна, они производили только то, что было

жизненно необходимо. Кочевнику было непонятно стремление оседлого населения, особенно горожан, к накопительству и комфорту – это противоречило его образу жизни и мировоззрению.

Таким образом, кочевая культура – это сложное социокультурное явление, которое выражает отличное от оседло-земледельческой культуры онтологическое отношение «человек – мир». В этой связи вполне правомерно говорить о специфической ментальности кочевников, которая стала складываться в самые ранние периоды его становления, и продолжали сохраняться (хотя, возможно, частично в измененном виде) в последующие периоды развития номадной культуры.

Серьезная попытка изучения кочевого менталитета была предпринята П.К. Дашковским, который выявил следующие особенности ментальности кочевников, сложившиеся в скифскую эпоху, но, по его мнению, продолжающиеся сохраняться в последующие исторические периоды: 1) достаточно высокая степень слияния индивида с окружающей средой; 2) значительный уровень интеграции индивида и структурных элементов социального пространства (семья, клан, военно-политическое объединение); 3) экстравертированное отношение человека и общества к миру; 4) созерцательность и символичность кочевого мышления, что нашло выражение в искусстве, устном народном творчестве, музыкальной культуре номадов и т.д. [9].

Заключение. До сих пор многими исследователями высшей стадией развития кочевничества считается оседлость, но во многих регионах земного шара, к примеру, в условиях пустыни, это до сих пор просто невозможно. Несмотря на непрерывно возрастающий процесс оседания номадов, часть населения Центральной Азии, Монголии, Казахстана, Кыргызстана, Западного Китая, Тибета, Крайнего Севера, Северной Африки до сих пор кочует. В настоящее

время кочевников насчитывается свыше пятидесяти миллионов человек, а значит, кочевой образ жизни еще актуален и эта культура не изжила своего потенциала [1].

Библиографический список

1. Андрианов Б.В. Неоседлое население мира (историко-этнографическое исследование) / Б.В. Андрианов. – М.: Наука, 1985. – С. 241.
2. Арутюнов С.А. Культурологические исследования и глобальная экология / С.А. Арутюнов // Вестн. АН СССР – 1980. – № 12. – С. 96.
3. Кодар А. Тенгрианство в свете номадологии Делеза-Гваттари / А. Кодар // Новые исслед. Тувы. – 2009. – №4. – С. 87.
4. Крадин Н.Н. Кочевники Евразии / Н.Н. Крадин. – Алма-Ата: Дайк-Пресс, 2007. – С. 102.
5. Медведев А.П. К исторической оценке скотоводческих обществ на Юге Восточной Европы II-I тыс. до н.э. / А.П. Медведев // Вестн. Воронеж. ун-та. Сер. гуманитар. науки. – 2001. – №2. – С. 112.
6. Нуржанов Б.Г. Город и степь / Б.Г. Нуржанов // Евраз. сообщ-во: экономика, политика, безопасность. – 1997. – № 3. – С. 187.
7. Содномпилова М. В. Природные и культурные ориентиры жизненного пространства номадов Центральной Азии / М.В. Содномпилова // Народы и культуры Сибири. Взаимодействие как фактор формирования и модернизации: сб. науч. тр. – Иркутск: Типография «Оттис». – 2003. – С. 111.
8. Сыргакбаева А.С. Соотношение традиционного и урбанистического модусов бытия в современном казахстанском обществе [Электронный ресурс]: / А.С. Сыргакбаева. – Алматинский гос. ун-т им. Абая. Режим доступа: <http://lpur.tsu.ru/Seminar/a0102/050.htm>, свободный – Загл. с экрана.
9. Тишкин А.А. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи / А.А. Тишкин, П.К. Дашковский. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. – 2003. – С. 283-284.
10. Урманбетова Ж.К. Истоки и тенденции развития кыргызской культуры / Ж.К. Урманбетова, С.М. Абдрасулов. – Бишкек: Илим, 2009. – С. 186.